

АРХИВНОЕ ДЕЛО

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблчанского.](#)

Этот потешный старичок, по фамилии Фисун, состоял в нашей губернской земской управе архивариусом. Нас, его молодых сослуживцев, все потешало в нем: и то, что он архивариус, и не только не находит смешным это старомодное слово, а, напротив, понимает его очень высоко, и то, что его зовут Фисуном, и даже то, что ему за восемьдесят лет. Он был очень мал ростом, круто гнул свою сухую спинку, носил престранный костюм: длинный базарный пиджак из чего-то серого и громадные солдатские сапоги, в прямые и широкие голенища которых выше колен уходили его тонкие, на ходу качавшиеся ножки. Он очень плохо слышал, - "сего Хвисуна хоть под колокол подводи!" - говорили управские сторожа, с хохлацкой насмешливостью поглядывали на его большие и всегда холодные восковые уши; он тряс от старости головой, голос имел могильный, рот впалый, и ничего, кроме великой усталости и тупой тоски, не выражали его выцветшие глаза. Прибавьте к этому еще и облезлую смушковую шапку, которую Фисун натягивал на голову ниже ушей, боясь, что в них надует и уж совсем лишит его слуха, прибавьте толстые морщины на сапогах, - фигура-то получится и впрямь потешная. Но мало того, - такой потешной наружности и характер соответствовал потешный.

Секретарь, бывший семинарист, недаром называл Фисуна Хароном. Фисун, как я уже сказал, был убежденнейший архивариус. Служить он начал лет с четырнадцати и служил исключительно по архивам. Со стороны ужаснуться можно было: чуть не семьдесят лет просидел человек в этих сводчатых подземельях, чуть не семьдесят лет прошмыгал в их полутемных ходах и все подшивал да присургучивал, гробовыми печатями припечатывал ту жизнь, что шла где-то наверху, при свете дня и солнца, а в должный срок нисходила долу, в эту смертную архивную сень, грудями пыльного и ужю ни единой живой душе не нужного хлама загромождая полки! Но сам-то Фисун не находил в своей судьбе ровно ничего ужасного. Напротив: он полагал, что ни единое человеческое дело немыслимо без архива.

- А ежели справка понадобится? - говорил он и твердо был уверен, что фраза эта неотразима.

В подземелье, до сводов заваленном докладами и отчетами, сидел в ту пору и я, ближайший сосед Фисуна, библиотекарь управы, тоже, значит, Харон в некотором роде. Но ведь я сидел всего третий год, а не шестьдесят пятый; я получал, ничего не делая, почти тридцать девять рублей и все был недоволен. А Фисун изнурялся в трудах и заботах с раннего утра до самого вечера, получал тринадцать с полтиной и даже терялся, не зная, куда девать такую уйму золота, - настолько были ограничены его житейские потребности. Два рубля в месяц зарабатывал он при начале своего служебного поприща в архиве опекунского совета, и то благодарил бога, а если и "не чуял ног под собой от радости", достигнув после десятилетней службы в сиротском доме четырех рублей с копейками, то не чуял вовсе не из корысти: единственно потому, что это был оклад уже не мелкой сошки, а полного господина архивных недр, оклад архивариуса.

В управе он служил чуть не с первого дня ее существования. И как служил! Не знаю, когда он просыпался. Но думаю, что не позднее четырех утра, потому что жил он очень далеко, не в городе, а за городом, в голубой хатке среди оврагов предместья, шаркал своими расчищенными сапогами и переставлял костыль очень медленно и все-таки являлся в управу ровно в шесть. Бывало, еще солнце не успеет нагреть тенистых и росных садов, еще плавно и гордо вихляются по деревянным "пешеходам" грудастые хохлушки с коромыслами через плечо, с махотками молока и кошелками вишен, еще пуст базар и по-утреннему чисты, белы улицы, а он, в своем башлыке и болотных сапогах, уже поспешает. Сторожа, которых будил он стуком в дверь управы, не раз выскакивали на подъезд с твердым намерением надавать ему в шею; да ведь все-таки был он не простой человек, не свой брат сторож, а архивариус. Сторожа ругали, стыдили его; но он был упрям - и таки добился, что они смирились, привыкли к его стуку ни свет ни заря.

При таком служебном рвении, можете себе представить, когда он покидал управу! Вот уже кончается долгий летний день, ушли из управы не только столоначальники, но даже самые последние писцы, и гулко раздаются в пустых отделениях свободные голоса сторожей, грохот передвигаемых столов и стульев, а Фисун все еще бродит в своих темных владениях, в дугу согнув свою худую спину держа в бледной, обезображенной ревматизмом руке пылающий огарок и заботливо осматривая полки с кипами дел; плавает над городом, в блеске опускающегося солнца дрожащий бас соборного колокола, призывая инвалидов и старух к вечерне; ложатся тени от крыш и садов, и усаживаются